

ОТДЕЛЕНИЕ ЗАКАВКАЗЬЯ ОТ СОВЕТСКОЙ РОССИИ—СЛЕДСТВИЕ АНТИСОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ ЗАКАВКАЗСКОГО СЕЙМА

АРМЕН ГАЛОЯН

Трапезундские переговоры между Турцией и закавказским Сеймом (март—апрель 1918 г.) закончились безрезультатно. Прервав переговоры, Турция усердно готовилась к захвату всего Закавказья. Этому в немалой степени способствовала антинародная политика буржуазно-националистических партий, заседавших в Сейме.

Возобновив военные действия, турецкие войска продолжали продвигаться вглубь Закавказья. Еще в Трапезунде закавказской делегации категорично было заявлено, что «турки считают Батумский, Карсский и Ардаганский округа своими...»¹, и что только после отказа от этих территорий и объявления независимости Закавказья турецкая делегация может вступить в переговоры². Фактически лишь после этого «мудрые вожди» Закавказья поняли, что Турция намерена занять весь регион.

Кабинет старого правительства Закавказья заявил о своем намерении подать в отставку.

7 (20) апреля расширенное заседание президиума закавказского Сейма еще раз вернулось к требованиям Турции. В который уже раз было обговорено намерение Турции. Большевики понимали, что Турция, продолжая свое наступление и занимая все новые территории, стремится к тому, чтобы Сейм объявил независимость Закавказья, что отрезав край от России, они превратят весь край в свою провинцию. Большевики и сами были инициаторами отделения Закавказья от Советской России, проявляя в этом немало стараний. Но именно в этом вопросе интересы турецкого и закавказского правительств сталкивались. Ведь добиваясь «независимости» Закавказья, Турция фактически хотела установить там свое господство, что не входило в планы закавказского правительства, стремившегося утвердить там свою власть. Именно только поэтому раздавались голоса за «оборону края» от дальнейшего нашествия турецких войск.

Мусаватисты, входящие в правительство, безоговорочно поддерживали требование Турции. В «независимости» Закавказья под эгидой Турции они видели прежде всего возможность осуществления своих идей панисламизма. От имени их фракции Расул-Заде заявил, что надо немедленно прекратить войну и объявить независимость Закавказья. «Если же Закавказье не примет мира и не объявит себя независимым,—говорил он ультимативно,—фракция поставит на свое обсуждение вопрос об объявлении независимости Восточного Закавказья»³.

¹ Н. Н. Жордания, За два года. Доклады и речи, Тифлис, 1919, с. 88.

² Там же.

³ Центральный государственный исторический архив (далее—ЦГИА) Груз. ССР, ф. 1819, оп. 1, д. 4, лл. 15—18.

С циничной откровенностью говорил о «конечной цели» националистической контрреволюции представитель грузинских национал-демократов Г. Гвазава: «Мы должны немедленно объявить независимость Закавказья... и, заявив Турции о прекращении военных действий, обратить все свои силы для борьбы с надвигающимся с Севера большевизмом»⁴.

9(22) апреля расширенное заседание президиума закавказского Сейма было продолжено, так как на предыдущих заседаниях, как заявил Е. Гегечкори, не было принято окончательное решение по данному вопросу⁵. Когда член Сейма Ониашвили от имени созданной Сеймом «Комиссии по вопросу провозглашения независимости Закавказья» приступил к оглашению решения, присутствующие на заседании прервали его шумом неодобрения. Председательствующий попросил публику соблюдать тишину, пригрозив в противном случае выгнать ее из зала заседания⁶. Искажая факты и обвиняя Советскую Россию в грехах, Ониашвили заявил, что «российская ориентация является, по существу, ориентацией реакционной»⁷ и что народам Закавказья нужно искать лучшую ориентацию. Он всячески пытался обосновать «политическую необходимость» объявления Закавказья независимым, что снова вызвало недовольство в зале. Фальсифицируя факты, Ониашвили запугивал слушателей, утверждая, что мол если Закавказье останется нераздельной частью России, то это будет означать повторение всех ужасов гражданской войны России и в Закавказье, и что оно может сделаться ареной иноземного нашествия, в данном случае—турецкого. «Опасность,—говорил он,—надвигается с двух сторон—со стороны большевиков и с юга—в лице Турции»⁸. Оппонируя оратору, член Сейма Семенов заявил меньшевикам: «Вы ищете другой «революционной» ориентации? Может быть, вы хотите ее получить от Энвер-паши, от Вильгельма?...»⁹.

Главарь фракции мусаватистов вновь стояли на своих позициях объявления независимости Закавказья: они открыто требовали прекращения военных действий и эвакуирования Карса и Батума.

Фракция дашнаков с опаской смотрела на предложения мусаватистов, ибо угроза истребления армян турками была вполне реальной. Поэтому она пока стояла на точке зрения необходимости обороны границ Закавказья. «Правительство,—заявил Карчикян,—должно озаботиться созданием сильной армии и подготовить страну к обороне. Одновременно необходимо возобновить мирные переговоры для окончания войны дипломатическим путем»¹⁰.

Эсеры выступали против провозглашения независимости Закавказья, как говорили они «по соображениям не принципиальным, а по соображениям целесообразности». Их представитель Туманов констатировал, что после падения царизма в Закавказье ни один народ не ставил вопроса о полном отделении от России¹¹. Поэтому он не сог-

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 19.

⁶ «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии» (далее—«Документы и материалы...»), Тифлис, 1919, с. 200.

⁷ Там же, с. 201.

⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1819, оп. 1, д. 46, лл. 221—222, 223.

⁹ Там же, лл. 239, 240.

¹⁰ Там же, д. 4, лл. 19—20.

¹¹ Там же, д. 46, л. 233.

лашался с мнением «Комиссии» о том, что народы Закавказья будто всегда стремились к независимости и сейчас осуществляют свою давнишнюю мечту. «Если сейчас возникла эта идея об отделении, о самостоятельности,—говорил Туманов,—то нужно честно признаться, что она исходит от турецких империалистов»¹². Заявление эсера вызвало шум на скамьях мусаватистов. Туманов ставил резонный вопрос, обращаясь к политическим партиям: если провозглашение независимости является следствием волеизъявления народов Закавказья, то почему не спросить у народов, желают ли они этой независимости, и почему не прибегнуть к референдуму?¹³ Один из выступавших вспомнил слова уполномоченного кавказского отдела союза городов, высказанные в 1916 г. на съезде Всероссийского союза городов: «если нас, Закавказье, силой оторвать от России, то из образовавшейся раны вытечет вся наша кровь»¹⁴. Несмотря на то, что авторы этих слов были сторонниками буржуазного лозунга «неделимой России», сама идея нераздельности судеб народов Закавказья и России всегда находила поддержку у народов края.

Характеризуя атмосферу, в которой шло обсуждение вопроса об отделении Закавказья от России, один из членов Сейма (Семенов) говорил, что «никакой торжественности и радости при обсуждении этого вопроса нет. Наоборот, есть какая-то тягость, как будто слухают панихиду и хоронят кого-то»¹⁵. Обращаясь к сторонникам отделения, он указывал на несостоятельность заявления о том, что независимость Закавказья есть ориентация на Закавказье. «Это есть ориентация турецкая,—говорил он,—Все вы до последнего человека всё это хорошо знаете, ибо в закрытых заседаниях говорите другое»¹⁶.

Туманов предупреждал членов Сейма: «Вы пожалете о том, что сделали. Вы поймете, что демократии не подобает рыть себе могилу собственными руками»¹⁷. Отвечая на это, Ониашвили холодно сказал, что это еще большой вопрос, какая опасность для них хуже—большевистская или турецкая.

Дашнаки, которые в этот день долго молчали, услышав о «большевистской опасности», поручили Качазуни заявить, что их фракция «присоединяется к объявлению самостоятельного Закавказского государства»¹⁸.

Объявляя «независимость» Закавказья, меньшевики, мусаватисты и дашнаки фактически оказывали услугу германо-турецким империалистам, целью которых было отделение Закавказья от Советской России, превращение края в военный антисоветский плацдарм и уничтожение Советской власти в Баку. «Независимостью» Закавказья националистическая контрреволюция надеялась окончательно подавить борьбу рабочих и крестьян за Советскую власть.

9 (22) апреля состоялось очередное заседание Сейма. Нельзя сказать, что на этом заседании не прозвучали трезвые голоса. В этом смысле определенный интерес представляет выступление члена Сейма Семенова. В виде отступления нужно сказать, что речь Семенова,

¹² Там же.

¹³ Там же, лл. 233—234.

¹⁴ Там же, л. 237.

¹⁵ Там же, л. 237, 238.

¹⁶ Там же, л. 239.

¹⁷ Там же, лл. 234—236; «Документы и материалы...», с. 209, 210.

¹⁸ «Документы и материалы...», с. 215, 221.

которая разоблачала продажность меньшевиков, мусаватистов и дашнаков, не была помещена в сборнике «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии», изданном в 1919 г. Семенов объяснял, для чего именно Германия и Турция требуют объявления «независимости» Закавказья: «Они этого требуют от вас для того, чтобы вы вошли в их союз,—говорил он,—чтобы вместе с ними продолжали войну, чтобы через Закавказье можно было двинуть германо-турецкие войска на Баку. Если от большевиков вы отделяетесь одним заявлением, что их не признаете, то от Германии вы этим не отделяетесь и будете исполнять все то, что от вас будут требовать»¹⁹. С шумом и негодованием встретили слова Семенова в Сейме, когда он говорил о принципе самоопределения народов. Он указывал членам Сейма на то, что с объявлением «независимости» Закавказья они признают принцип самоопределения. Тогда,—говорил он,—вы должны признавать и за другими право самоопределения. Развивая дальше свою мысль, он заключил, что члены Сейма, исходя из принципа самоопределения, должны также признать его за городом Баку. «Город Баку самоопределился и вы должны это признать, если вы не рассматриваете самоопределение как такой акт, который должен происходить по вашей указке, по вашей программе... Если город Баку самоопределился как пожелал, вы должны это признать (сильный шум). Я очень доволен, что вы так на это возражаете: это подтверждает мою мысль, что вы, не захотевшие этого признать, вы пойдете на него войной (голоса с места—«пойдем»)... Вы теперь поведете свои силы, чтобы завоевать Баку... вам придется совершить его при помощи Турции. Вы с помощью турецких войск пойдете завоевывать Баку и, когда турецкие войска будут проходить через Закавказье, тогда осуществится оккупация Закавказья германо-турецкой коалицией... Закавказье с объявлением независимости превратится в материал войны»²¹. Члены Сейма, не находя сильных аргументов против доводов Семенова, обвиняли его в том, что он не то левый эсер, «который в блоке с большевиками», не то член партии т. н. народной свободы²¹.

Разоблачая предательский акт меньшевиков, газета «Известия рабочих, солдатских и матросских депутатов» Бакинского Совета писала: «Чхенкели, Чхендзе и остальная компания изменников порвали все с «реакционной» для них Россией, отторглись от нее и бросились в родные для дворян-меньшевиков объятия «революционных» феодалов Турции. Они предпочли «прогрессивную» турецкую ориентацию русской «реакционной» ориентации»²².

Меньшевики стремились на том же заседании Сейма неуклюжими маневрами оправдать политику своей партии. От их имени Гвазава заявил, что они меняют свою ориентацию не потому, что любят Турцию, а будто потому, что стремятся в Стамбул, чтобы иметь свободный проход к Средиземному морю²³. Чтобы оправдать свою политику отделения края от Советской России, меньшевики не остановились перед явной демагогией: по их словам их беспокоят, якобы, ин-

¹⁹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1819, оп. 1, д. 46.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, лл. 246, 281.

²² «Известия рабочих, солдатских и матросских депутатов Бакинского Совета», 21. V. 1918.

²³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1819, оп. 1, д. 46, лл. 248, 249.

трессы крестьян—мол если Закавказье останется в составе России, то «каждому крестьянину Закавказья придется потом участвовать в уплате долгов России,—и что,—на каждого крестьянина придется долг в 25 тыс. руб. Поэтому,—говорил Гвазава,—мы должны отказаться от севера»²⁴, т. е. от России.

Ратую за «независимость» Закавказья, меньшевики в то же время подчеркивали, что в состав «независимого» Закавказья Грузия войдет как самостоятельная единица²⁵. Этими словами Гвазава фактически первым публично раскрыл карты меньшевиков об их намерениях создать самостоятельную республику как «суверенное государство»²⁶. Но тогда многие не придавали серьезного значения этому заявлению, ибо меньшевики держали еще в глубокой тайне свои сепаратные переговоры с Германией. Не об этом ли сепаратном сговоре свидетельствует призыв меньшевиков, что «если для четвертого союза непременно уж нужен этот путь — Баку—Батум, то лучше мы будем покорены как независимая страна, ибо неизвестно еще как может измениться конъюнктура»²⁷.

Меньшевик Арсепндзе пытался доказать, что объявление независимости Закавказья совершилось не под диктовкой Турции, а в силу «необходимости», ибо российская демократия «предала» интересы Закавказья²⁸. Вновь взявший слово Туманов сказал в ответ: «Мы все хорошо понимаем друг друга и вы все сознаете, что нож в спину демократии занесен не со стороны российской демократии, а с другой стороны, теми, рядом с которыми мы вынуждены сидеть в закавказском Сейме»²⁹. В данном случае он явно имел в виду мусаватистов.

Дебаты продолжались долго, некоторые ораторы выступали несколько раз, каждая фракция стремилась аккуратно выполнять задание своей партии. Страсти разгорелись до того, что уже начали раздаваться голоса о необходимости роспуска Сейма. Беспристрастному наблюдателю было бы нетрудно заметить, что несмотря на отсутствие единства, в антисоветском устремлении члены Сейма придерживались адекватных взглядов и что в Сейме заседали представители контрреволюционной буржуазии и феодалов, которые как огня боялись социалистической революции и искали защиты у германо-турецких оккупантов. Именно поэтому Сейм большинством голосов постановил: «Провозгласить Закавказье независимой демократической федеративной республикой»³⁰, хотя всем было понятно, что никакой речи и быть не могло о настоящей независимости, ни тем более о демократической власти. Естественно, другого решения от контрреволюционного Сейма нельзя было и ожидать. Этим актом удовлетворив свои антисоветские чаяния, а также требования Турции, Сейм далее постановил продолжать мирные переговоры с Турцией³¹.

Острые противоречия между фракциями Сейма образовали трещину в правительстве Закавказья. 9(22) апреля председатель правительства Е. Гегечкори обратился к председателю Сейма Н. Чхеидзе

²⁴ Там же, л. 251.

²⁵ Там же, л. 252.

²⁶ Там же, л. 254.

²⁷ Там же, л. 264.

²⁸ Там же, лл. 282—286.

²⁹ Там же, л. 287.

³⁰ Там же, д. 4, л. 20; д. 40, л. 15.

³¹ «Документы и материалы...», с. 222.

с заявлением об отставке правительства³². В тот же день Сейм поручил А. Чхенкелли образовать новое правительство.

Несмотря на явно враждебное отношение закавказского Сейма и Комиссариата к Советской России, Советская Россия была единственной страной, которую интересовала судьба народов Закавказья и которая прилагала все свои усилия для оказания помощи им. 12 апреля 1918 г. Народный Комиссариат Иностранных дел Советской России в ноте министерству иностранных дел Германии констатировал, что «наступление турецких войск и курдов на Кавказском фронте сопровождается массовым истреблением армянского населения; мирное население, женщины и дети вырезаются тысячами, имущество их предаётся разграблению и огню...». Советская Россия решительно протестовала против варварства турецких войск и настаивала на необходимости быстрого и решительного вмешательства со стороны Германии в происходящее на Кавказе с целью предотвращения дальнейшего уничтожения мирного населения³³. А в телеграмме германскому послу в Тифлисе (13 апреля 1918 г.), выражая мнение Советского правительства, Г. В. Чичерин с возмущением писал: «Трудно мириться с мыслью, чтобы культурное государство, как Германия, имеющее возможность воздействовать на свою союзницу Турцию, позволило, чтобы Брестский мирный договор послужил для армянского народа, втянутого помимо своей воли в эту мировую войну, источником неисчислимых бедствий»³⁴. От имени Советского правительства Чичерин выразил уверенность, что со стороны Германии «будут приняты необходимые меры... к воздействию на турецкие власти с целью предотвращения уничтожения мирного населения»³⁵.

Националистическая контрреволюция не только не откликнулась на решительную поддержку Советской России, но и сочла нужным скрыть эту ноту от населения края.

Предательский акт закавказской националистической контрреволюции вызвал возмущение и протест широчайших слоев населения Закавказья. В резолюции Бакинского Совета отмечалось, что именно объявлением независимости Закавказья Сейм открывает широкий простор для вторжения турецких войск в Закавказье и обрекает пролетариат и крестьянство Закавказья, которые насильственно отрываются от российского пролетариата, на порабощение и тем самым наносит «величайший смертельный удар пролетарской революции»³⁶.

Антинародный, антисоветский характер объявления «независимости» Закавказья не скрывали и сами правящие партии. В циркуляре закавказского правительства от 23 апреля по поводу этого преступного акта признавалось, что эта «независимость» нужна была для борьбы против революции, которая «безудержно разлившаяся по всей территории Российской Республики, надвигается с Севера на наш край»³⁷.

23 апреля новый министр-председатель закавказского правитель-

³² ЦГИА Груз. ССР, ф. 1819, оп. 1, д. 10, л. 6.

³³ «Документы внешней политики СССР», т. 1, М., 1959, с. 240—241.

³⁴ «Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Армении» (сборник документов), Ереван, 1957, с. 195.

³⁵ Там же.

³⁶ «Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане», Баку, 1957, с. 392—393.

³⁷ «Документы и материалы...», с. 223.

ства А. Чхенкели телеграммой сообщил Вехиб-Паше, что закавказское правительство «принимает Брест-Литовский мирный договор и готово немедленно командировать свою делегацию для возобновления приостановленных переговоров»³⁸. В тот же день командир армянского корпуса ген. Назарбсков и командир грузинского корпуса ген. Габаев получили распоряжение и. о. военного министра ген. Одишелидзе «немедленно войти в сношение с турецкими военными властями о приостановлении военных действий»³⁹.

В своем отчете от 24 апреля Вехиб-Паша сообщил, что им дан приказ «приостановить операции, которые продолжаются по ту сторону турецко-русской границы до 1877 и 1878 годов»⁴⁰. Этим самым Вехиб-Паша уже объявил «беспорным» восстановление турецко-русской границы, существующей до 1877 г. Не дожидаясь ответа, Вехиб-Паша дал приказ своим войскам занять Карс, и закавказское правительство в тот же день сообщило, что условия турок принимаются. Одновременно коменданту Карсской крепости было дано указание о передаче крепости без боя турецким войскам. Единственным условием правительство ставило просьбу турецкому командованию дать недельный срок для вывода войск из пределов Карсской области, и в двухнедельный—для эвакуации христианского населения⁴¹. На эту просьбу закавказского правительства турецкое командование ответило новым наступлением войск.

В черте Карса собралось более 10 тыс. беженцев. Командование карсского гарнизона не решилось организовать вооруженное сопротивление противнику, и 25 апреля Карсская крепость и город перешли в руки турок. Падение Карса имело роковое значение. Оно во многом способствовало ослаблению защиты Александрополя, так как форты александропольской крепости на правом берегу реки Арпачай были взорваны. Добровольную сдачу Карса газета «Известия рабочих, солдатских и матросских депутатов» Бакинского Совета расценивала как устроенную закавказским правительством «грандиозную провокацию, неслыханный позор»⁴².

Продвижение турецких войск вглубь страны представляло большую угрозу Советской власти в Баку. Необходимо было не только укрепить Советскую власть в Баку, но и распространить ее за пределами Баку и добиться победы во всем Закавказье. Именно в этом видели большевики единственную возможность спасения Закавказья от контрреволюции и от ее захвата германо-турецкими империалистами. Еще 19 апреля конференция Бакинской организации РКП(б) высказалась за создание Совета Народных Комиссаров Бакинского района. Это предложение в тот же день было поддержано Бакинским советом рабочих, солдатских и матросских депутатов.

25 апреля 1918 г. радиограмма передала текст постановления Бакинского совета рабочих, солдатских и матросских депутатов всем Советам Кавказа и России об образовании Бакинского Совета Народных Комиссаров. В ней подчеркивалось, что вся правительственная власть принадлежит Совету Народных Комиссаров во главе с

³⁸ Там же, с. 224.

³⁹ Там же, с. 225.

⁴⁰ Там же, с. 227.

⁴¹ Там же, с. 249.

⁴² «Известия рабочих, солдатских и матросских депутатов...», 21. V. 1918.

С. Г. Шаумяном⁴³. Противопоставляя свою политику тесного объединения Закавказья с Советской Россией контрреволюционной политике закавказского Сейма, бакинский Совнарком в своей первой же декларации четко и твердо заявил, что он «будет теснейшим образом связан с Всероссийской центральной властью и будет проводить в жизнь, сообразуясь с местными условиями, все декреты и распоряжения рабоче-крестьянского правительства России—Верховного Совета Народных Комиссаров», — и что, — Бакинский Совет продолжает оставаться неразрывной частью единого великого целого»⁴⁴.

26 апреля закавказский Сейм обсудил «Декларацию» вновь созданного закавказского правительства, в которой отправной точкой его политики считалось отделение Закавказья от Советской России. В этой декларации новое правительство «независимого» Закавказья было вынуждено констатировать, что «узел национальных противоречий... определяет собою наиболее уязвимое место и ослабляет нашу военную, экономическую и политическую мощь»⁴⁵. При внимательном ознакомлении с протоколами Сейма нетрудно обнаружить, что национальные противоречия давали себя знать в процессе обсуждения буквально всех вопросов. Но, несмотря на это, все фракции Сейма заявили о своей готовности поддержать правительство, дабы не допустить победы Советской власти в Закавказье⁴⁶. Националистическая контрреволюция как огня боялась Советской России. По словам меньшевика Церетели, они всеми силами, какими располагали, боролись с большевиками. Он призывал Сейм не отступать от этого курса и сейчас. «Тут, — говорил он, — вопрос жизни и смерти для нас, чтобы мы отделились от большевистской России, стали самостоятельным государством...»⁴⁷.

«Есть ли в этом (в вопросе об отделении Закавказья от Советской России — А. Г.), в данный момент, спасение, не ведет ли это к гибели? — заявил он. — Эти вопросы заставляли задумываться, что такое колебание народов Закавказья имеется, что нет той уверенности, которую следовало бы проявить в этот торжественный момент. Этот факт отрицать не следует»⁴⁸.

Дашнак Качазнуни под давлением обстановки, царившей в крае, вынужден был признать, что отделение Закавказья идет вразрез с желаниями трудящихся края. Но это были пустые слова, в действительности же дашнаки поддержали «политическую программу» А. Чхенкели — программу закавказской контрреволюции.

Пока в Сейме распределяли министерские портфели, турецкие войска захватывали все новые территории Закавказья. А. Чхенкели одной рукой подписал первую «Декларацию» своего правительства, а другой — телеграмму Вехиб-Паше, в которой жаловался, что неисполнение условий перемирия затрудняет безболезненное выполнение принятых обязательств по освобождению Карсской области от закавказских войск⁴⁹. Глава правительства, как видно, еще не знал, что

⁴³ «Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане», с. 381.

⁴⁴ Там же, с. 383.

⁴⁵ «Документы и материалы...», с. 231.

⁴⁶ Там же, с. 232—241.

⁴⁷ Там же, с. 239.

⁴⁸ Там же, с. 240.

⁴⁹ Там же, с. 250.

за день до подписания этой телеграммы (25 апреля) Карс уже был в руках турок. А 27 апреля Вехиб-Паша в ответной телеграмме констатировал, что взятие Карса силою фактически отняло всякую возможность осуществления условий перемирия⁵⁰. Турецкие войска действовали очень быстро. 27 апреля они ворвались в пределы Эриванской губернии и, продвигаясь к Игдырю, заняли селение Оргов.

На следующий день Вехиб-Паша сообщил решение своего правительства от 27 апреля о признании «независимости закавказского правительства» и о согласии избрать Батум местом переговоров. Он сообщил также, что «Северный Кавказ объявил свою независимость», — и что находящиеся в Константинополе северокавказские делегаты выедут в Батум вместе с Оттоманской делегацией и предпримут шаги к объединению их страны с Закавказьем⁵¹. Следовательно, Турция вела в Константинополе сепаратные переговоры с мятежниками Северного Кавказа, признала их «правительство» и тем самым блокировала Закавказье с севера.

Переговоры в Батуме начались 11 мая 1918 г. Председательствовал на конференции Халил-Бей. Выступавший первым А. Чхенкели предложил положить в основу переговоров Брест-Литовский договор, официальный текст которого закавказской делегации еще не был известен⁵². Халил-Бей на это ответил, что характер их сношений изменился, и что он, следовательно, не может допустить, чтобы Брест-Литовский договор был признан исключительной основой предстоящих переговоров⁵³. Он также напомнил, что после того, как прервались переговоры в Трапезунде, возобновились военные действия, вследствие чего весь вопрос вступил в новую фазу. В заключении Халил-Бей в ультимативном тоне заявил, что «дабы не продолжать бесполезные прения, он готов сообщить закавказской делегации изготовленный им проект договора мира и дружбы»⁵⁴. В свою очередь представитель Германии фон Лоссов заявил, что он готов «изучить этот проект и принять участие в его обсуждении, чтобы отстоять германские интересы»⁵⁵. «Германия и Турция, — говорил в те дни Ст. Шаумян, — заинтересованы в том, чтобы Баку составлял часть независимого Закавказья, и сейчас в Батуме переговоры ведутся вокруг того, чтобы или Сейм принял «меры охранения мусульман в Баку или же пропустил германо-турецкие войска для установления порядка. Вся политика заключается в последнем, ибо германский империализм чрезвычайно заинтересован занять берег Каспийского моря, что открывает ему путь к Афганистану и Индии. Вы знаете, какие чудовищные усилия затрачиваются Англией в Персии из-за пересечения этого пути. Переговоры открывают новую эпоху империалистического соревнования»⁵⁶. Исходя из этого, Ст. Шаумян заключил: «Закавказье может стать ареной мирового состязания на уничтожение»⁵⁷. Первые дни переговоров показали, что турецкие притязания не ограничивались стремлением «узаконить» переход тех террито-

⁵⁰ Там же, с. 252, 265.

⁵¹ Там же, с. 253.

⁵² Там же, с. 313—315.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же, с. 316.

⁵⁶ С. Г. Шаумян, Избранные произведения, т. 2, М., 1958, с. 239—240.

⁵⁷ Там же.

рий к Турции, которые были уступлены ей по Брест-Литовскому договору. Во-первых, турецкая делегация, которая в Трапезунде настаивала на том, чтобы Закавказье признало Брест-Литовский договор, теперь сама отказалась от этого договора, заявляя, что турецкое «правительство настаивает на своем взгляде, что Брест-Литовский договор не может служить исключительной основой настоящих переговоров»⁵⁸. Во-вторых, в период переговоров турецкие войска продолжали военные действия на территории Закавказья и стремились захватить Александрополь, железнодорожную линию Александрополь-Джульфа и продвинуться к Баку. Притязания Турции не ограничивались только этим. Она не скрывала своих намерений аннексировать Ахалцихский, Ахалкалакский, Александропольский, Эчмиадзинский и Сурмалинский уезды. Как констатировал в эти дни Н. Жордания: «О какой-либо самостоятельности армянского народа турки слышать не хотят, а потому и требуют аннексии вышеуказанных уездов, населенных исключительно армянами»⁵⁹.

14 мая 1918 г. командование турецких войск представило ультиматум с требованием в течение трех суток отвести закавказские войска от линии Александрополь—Джульфа, равно как и указанную железную дорогу в руки турецких властей на все время войны⁶⁰. Узурпация этих территорий в ноте мотивировалась стремлением «использовать дружественным образом железнодорожную линию Александрополь—Джульфа»⁶¹. Протест закавказского правительства не имел никакого значения. Наоборот, Шефкет-Паша потребовал от командующего армянскими войсками ген. Назарбекова обеспечения беспрепятственного пропуска турецких войск в Джульфу, дав один час на обдумывание. В противном случае он пригрозил пробиться силой.

И пока в закавказском правительстве готовили ответ на турецкий ультиматум, войска Вехиб-Паши, не теряя времени, 15 мая захватили Александрополь. В радиограмме в Совет Народных Комиссаров РСФСР от 24 мая 1918 г. Ст. Шаумян сообщил, что занятие турками Александрополя и переброска войск в Джульфу «имеет двойную цель—заяти Северной Персии и движение на Баку»⁶².

Турки так увлеклись, что даже о своих требованиях не поставили в известность свою союзницу Германию. Генерал фон Лоссов 25 мая сообщил своему правительству, что безмерное турецкое требование чисто армянских областей показывает стремление турок захватить области за пределами, определенными Брестским договором, эксплуатировать Кавказ и полностью истребить армян в Закавказье⁶³. Указывая на то, что полный захват Закавказья турками не только не входил в планы Германии, но и мог бы нанести вред «союзным интересам», фон Лоссов посчитал необходимым, чтобы посол Германии в Турции заявил «протест против турецких мероприятий, мешающих союзным интересам»⁶⁴.

⁵⁸ «Документы и материалы...», с. 272.

⁵⁹ Н. Н. Жордания, указ. соч., с. 93.

⁶⁰ «Документы и материалы...», с. 278.

⁶¹ Там же, с. 270.

⁶² С. Г. Шаумян, указ. соч., с. 246.

⁶³ «Из истории иностранной интервенции в Армении в 1918 г.» (Док. и матер.), Ереван, 1970, с. 116—117.

⁶⁴ Там же.

Такая постановка вопроса, конечно, не означала, что Германия стала защищать интересы армян и народов Закавказья. Речь здесь шла о соперничестве двух агрессоров, стремившихся использовать друг друга в своих целях. Германия ревностно смотрела на усиление позиций Турции на Кавказе и стремилась сама играть здесь первую роль. Германии Закавказье было нужно не только как плацдарм для борьбы против Советской России — несметные богатства недр края, его военно-стратегическое положение для вторжения на Ближний Восток уже давно привлекали внимание германских империалистов. Об этом красноречиво свидетельствует записка начальника генерального штаба сухопутных войск Германии от 25 мая 1918 г. В ней конкретные задачи Германии в Закавказье сводились к обеспечению германских экономических интересов в новых кавказских государственных образованиях, а также в бывших русских областях, оккупированных турецкими частями и, кроме того, к установлению связи по Каспийскому морю с Закаспием⁶⁵. Турцию же Германия рассматривала как орудие для достижения своей цели.

27 апреля 1918 г. в Константинополе было заключено секретное соглашение между Германией и Турцией о разделе сфер влияния в Закавказье. Было оговорено, что Батум «представляет исключительно область турецких интересов»⁶⁶. Однако, как только была достигнута секретная договоренность между германскими империалистами и меньшевиками об объявлении «независимости» Грузии, германское правительство, как об этом говорится в сообщении МИД Германии германскому послу в Вене от 26 мая 1918 г., посоветовало турецкому правительству передать Батум Грузии, «т. к. исходя из отношения населения и хозяйственных отношений, будет тяжело сохранить длительное мирное отношение между Турцией и Грузией»⁶⁷. Германию, разумеется, беспокоили вовсе не отношения между Турцией и Грузией, а статус Батума. Учитывая «особую важность» Батума для интересов Германии, вынашивались перспективные планы объявления Батума «свободным портом», но в то же время нужно было заставить Турцию «выполнять свои обязательства, вытекающие из договора от 27 апреля 1918 г.»⁶⁸, ибо, как признался в свое время представитель Германии в Грузии Шуленбург, «турецкие обещания не имеют никакой цены»⁶⁹.

То, что Турция бесцеремонно нарушила Брест-Литовский мир, это было на данном этапе и в интересах Германии, так как это нарушение было продиктовано общей антисоветской политикой. На заседании комитета по иностранным делам Германии от 22 мая 1918 г. отмечалось, что «...для нас (Германии — А. Г.) было бы выгодно, чтобы как можно дольше длились волнения и беспорядки»⁷⁰ в России. Говорилось также о «фантастическом плане создания германского колониального государства на Кавказе»⁷¹.

⁶⁵ Г. В. Пипия, *Политика Германии в Закавказье в 1918 г.* (сборник документов). Тбилиси, 1971, с. 32—33.

⁶⁶ Там же, с. 75.

⁶⁷ «Из истории иностранной интервенции...», с. 134.

⁶⁸ Г. В. Пипия, указ. соч., с. 76.

⁶⁹ Там же, с. 156.

⁷⁰ Там же, с. 29.

⁷¹ Там же, с. 30.

Еще 15 мая 1918 г. дипломатический представитель Германии Мирбах обратился к Советскому правительству с наглым предложением принять его услуги на предмет посредничества со стороны германского правительства по отношению к т. н. закавказскому правительству. В ответной ноте говорилось: «Настаивая на участии делегатов Русского Правительства в ведущихся в Батуме переговорах, Народный комиссариат подчеркивает, что этим нисколько не предполагается признание Русским Правительством так называемого Закавказского, прибавляя при этом, что заключенного без участия его договора он не будет считать себя вправе признать»⁷². Одновременно Наркоминдел РСФСР указал также, что во многих местах Закавказья власть т. н. закавказского правительства не признается вовсе, и во всем Закавказье вообще против него высказываются широкие народные массы. Во многих городах и местечках народные массы на своих митингах приняли резолюции, осуждающие контрреволюционные акции Сейма. В них, в частности, указывалось, что члены Сейма «не имели и не могли иметь полномочий для решения вопроса об отделении от России»⁷³. В ноте констатировалось также, что «армянские города и деревни с еще большей настойчивостью требуют референдума, настаивая на уходе своих делегатов из Сейма»⁷⁴. Несмотря на это, фон Лоссов без угрызения совести сообщил закавказскому правительству, что, якобы, Чичерин заявил графу Мирбаху, что русское правительство охотно соглашается на мысль о посредничестве Германии между Россией и Закавказьем по вопросу о признании этого последнего государства Россией⁷⁵. Фон Лоссов с провокационной целью ставил закавказское правительство в известность, что якобы «Русское Правительство имеет намерение угрожать со стороны Сухума и Батума нашествием на территорию закавказской республики»⁷⁶, а «Императорское Правительство советует Русскому Правительству не наступать на Закавказье»⁷⁷.

Эти акции были необходимы Германии для того, чтобы скрыть от народа тот факт, что Германия и закавказское правительство резко выступали против участия Советской России в Батумских переговорах.

Закавказское правительство в своей ноте генералу фон Лоссову от 19 мая вынуждено было признать, что в Закавказье наблюдаются отдельные проявления антиправительственного характера, имеющие якобы лишь «местное значение и вызванные, по большей части, происками большевиков»⁷⁸. Как было уже сказано, за спиной Турции стояли германские империалисты, и когда Батумские переговоры вошли в тупик, командующий германскими войсками в Закавказье фон Лоссов своим письмом от 19 мая предлагал А. Чхенкели свои «добрые услуги в качестве посредника»⁷⁹. Это предложение фон Лоссова стало предметом долгого обсуждения закавказской делегации. Участники вспомнили, что во время первого заседания Халил-Бей

⁷² «Документы и материалы внешней политики СССР», т. 1, с. 303.

⁷³ Там же, с. 302—303.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ «Документы и материалы...», с. 302—303.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же, с. 292.

⁷⁹ Там же, с. 293.

сказал «между прочим», что «если бы настал такой момент, что между нами (турками — А. Г.) и Закавказьем оказались бы несогласия... то мы могли бы обратиться к посредничеству Германии»⁸⁰. Члены закавказской делегации не понимали, что этот сценарий был написан Германией и Турцией еще до возобновления переговоров в Батуме, и что этому предложению предшествовали тайные сепаратные переговоры меньшевиков с представителями Германии. Меньшевики явно склонились к принятию «покровительства» кайзеровской Германии. Именно поэтому Ст. Шаумян в эти дни заявил, что «к нам дошли сведения, что Вильгельм предлагает Грузии автономии под своим протекторатом с тем, чтобы она не мешала осуществлению остальных планов Турции и Германии»⁸¹ в Закавказье.

Как ни старался А. Чхенкели скрыть сам факт сепаратной встречи с фон Лоссовым, однако ничего не вышло. На вопрос, что предшествовало предложению о посредничестве, он ответил: «Я говорил то, что изложено в нотах (закавказской делегации — А. Г.)... Вообще встреча с ним имела характер информационный. Лоссову я давал интересующие его сведения»⁸².

Расул-Заде неоднократно предлагал «отложить ответ... и переговоры с Халил-Беем. Турцию раздражать не стоит»⁸³, — говорил он. Дашнаки же «философствовали», изображая из себя дипломатов, и тайно стремились заручиться поддержкой Англии. Одно уже было ясно — не было единства мнений среди членов закавказской делегации, и именно эту информацию получил фон Лоссов от А. Чхенкели.

Исходя из этого, нетрудно полагать, что в Батуме переговоры фактически велись не между делегациями Турции и Сейма, а между Турцией, с одной стороны, и делегациями меньшевиков, мусаватистов и дашнаков — с другой. Этим можно объяснить тот факт, что в Батуме турки говорили с делегацией Сейма только на языке ультиматумов и угроз.

На следующий день после того, как закавказская делегация официально согласилась на посредничество Германии в переговорах, турецкие войска перешли в наступление в Каракилесском направлении. Они вторглись также в районы Игдыра и Башабарана, где произвели аресты и обыски: «все их мужское население в возрасте от 15 до 70 лет было обезоружено и уведено неизвестно куда»⁸⁴.

Наступление турецких войск воодушевило мусаватистов, многочисленные банды которых организовали налеты на советские учреждения Баку, выселяли русских крестьян из Джеватского и Кубинского уездов. Комиссар по военно-морским делам Бакинского Совнаркома Г. Корганов в своем докладе от 22 мая 1918 г. отмечал, что мусаватисты рассеялись повсюду, организуя и поднимая против Баку отряды и банды и что «в Джульфе, Елисаветполе и, пожалуй, в Батуме готовятся войска для захвата Баку и всего побережья от Астары до Петровска»⁸⁵.

⁸⁰ Там же, с. 294.

⁸¹ «Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Армении», с. 212.

⁸² «Документы и материалы...», с. 297.

⁸³ Там же, с. 299.

⁸⁴ Там же, с. 304—305.

⁸⁵ «Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане», с. 416, 419.

На пути передвижения турецких войск в направлении Баку стояли вооруженные отряды армянских ополченцев, которые в 20-х числах мая 1918 г. под Каракилисом оказали героическое сопротивление турецким полчищам и разгромили основные силы наступающих войск. Они отступили лишь под давлением превосходящих сил противника. Большое значение имел разгром турецких войск под Сардарпатом. Здесь интервенты понесли такие потери, что не только не смогли захватить Ереван, но и вынуждены были на определенное время отложить свое наступление на Советский Баку.

Озверевшие турецкие солдаты сеяли страх и смерть среди населения оккупированных территорий с целью предотвращения их вооруженного сопротивления. «Нам представилась жуткая картина, — свидетельствовал в своем донесении офицер немецких оккупационных войск в Закавказье. — Вся местность была покрыта голыми окровавленными и бесчеловечно искалеченными телами и тяжелоранеными»⁸⁶.

Итак, в конце мая наступил кризис в Батумских переговорах. Грузинские меньшевики уже закончили свои сепаратные переговоры с представителями Германии, а мусаватисты — с представителями Турции. Вопрос об объявлении «независимости» Грузии и Азербайджана уже был предрешен. 25 мая 1918 г. фон Лоссов формально уведомил председателя закавказской делегации о том, что он не имеет инструкций и дальше продолжать переговоры с закавказским правительством, так как «получил достоверные сведения, согласно коим Закавказская республика и Закавказское правительство в настоящее время находятся в стадии распада»⁸⁷. На следующий день, 26 мая, поступил ультиматум Турции с предложением в течение 72 часов безоговорочно согласиться с требованиями их стороны «в их совокупности». В частности, требовалось «обеспечить свободный пропуск войск через Кавказ, в целях перевозки их по железным дорогам и насколько возможно скоро на другой театр операций»⁸⁸. Это означало, что Турция намеревалась полностью оккупировать Закавказье.

В Батумских переговорах представители Германии и Турции были заняты поисками разных возможностей захвата всего края и превращения его в свою колонию. В этом им оказала большую услугу правящие буржуазно-националистические партии, вошедшие в сговор с захватчиками.

На последнем заседании Сейма от 26 мая 1918 г., когда решался вопрос о роспуске Сейма, меньшевик Ир. Церетели признался, что «единого Закавказья в настоящий момент нет. И это получило свое отражение в Батуме... Пределы Закавказья оказались открытыми для вторжения неприятеля...; объединяющая сила Закавказья оказалась слабее разрушающей силы... у нас есть фиктивное единство Закавказья»⁸⁹. Такой же фиктивной оказалась «независимость» Закавказья, что послужило лишь орудием в руках империалистов германо-турецкого блока, а затем Антанты и США в их попытках отделить Закавказье от Советской России и закабалить его. Но этим планам не суждено было осуществиться, так как судьбу края решали населяющие его народы, а они под руководством большевиков поднялись на решительную борьбу за победу Советской власти.

⁸⁶ «Из истории иностранной интервенции...», с. 148.

⁸⁷ «Документы и материалы...», с. 307.

⁸⁸ Там же, с. 310.

⁸⁹ Там же, с. 318, 322.

ԱՆԴՐԿՈՎԿԱՍԻ ԱՆՁԱՏՈՒՄԸ ՍՈՎԵՏԱԿԱՆ ՌՈՒՍԱՍՏԱՆԻՑ
ՈՐՊԵՍ ԱՆԴՐԿՈՎԿԱՍՅԱՆ ՍԵՅՄԻ ՀԱԿԱՍՈՎԵՏԱԿԱՆ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ
ՀԵՏԵՎԱՆՔ

ԱՐՄԵՆ ԳԱՂՈՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

Հոկտեմբերյան սոցիալիստական մեծ հեղափոխությունից հետո իմպերիալիստական տերությունների, ինչպես գերմանա-թուրքական բլոկի պետությունների, այնպես էլ Անտանտի քաղաքականության նպատակն էր Անդրկովկասը անջատել Սովետական Ռուսաստանից և այն վերածել հակասովետական ուղղման պլանցդարմի: Այդ նպատակն էին հետապնդում Տրապիզոնի ձախողված բանակցություններին հաջորդած Բաթումի բանակցությունները, որոնք վարվում էին Թուրքիայի և Անդրկովկասի միջև:

Անդրկովկասի բուրժուա-ազգայնական կուսակցությունները, գործարքի մեջ մտնելով գերմանա-թուրքական իմպերիալիստների հետ և, հետապնդելով իրենց անջատ շահերը, հակառակ երկրամասի աշխատավոր զանգվածների կամքի, սեյմի 1918 թ. ապրիլի 9 (22)-ի նիստում քվեարկեցին Անդրկովկասը Սովետական Ռուսաստանից անջատելու որոշման օգտին: Հակաժողովրդական այդ ակտով նրանք վերջնականապես մերկացրին իրենց որպես հակահեղափոխական կուսակցությունների:

Անդրկովկասի «անկախության» հռչակումը, մյուս կողմից, էլ ավելի սրբեց հակասովությունները մենշևիկների, մուսավաթականների և դաշնակցական-էրի միջև և հանգեցրեց Անդրկովկասյան սեյմի ցրմանը (1918 թ. մայիսի 26-ին): Անդրկովկասը թևակոխեց դասակարգային պայքարի նոր փուլ:

